

Александр Зорич

Дети Онегина и Татьяны

Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)

Александр Зорич

Дети Онегина и Татьяны

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141623*

*Зорич А. У солдата есть невеста: авторский сборник: АСТ; М.; 2009
ISBN 978-5-17-058045-3*

Аннотация

«Евгений Онегин» – пожалуй, самое известное произведение классической русской литературы. Кто не зубрил про «дядю самых честных правил» в девятом классе средней школы? По версии Александра Зорича, знаменитому пушкинскому роману в стихах уготована интересная судьба. Но творческой силой изменять людей он не перестанет обладать и через много столетий, и за сотни световых лет от Земли...

Содержание

Новелла первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Зорич

Дети Онегина и Татьяны

Новелла первая

Апрель 2015 г.

Москва, Россия

Случается, весна в апреле похожа на лето. Откуда ни возмись пыль, жарыща, сквозь прорехи в клейкой листве – солнце, уже по-летнему настоящее, термоядерное.

Народ в конторе еще одет по-зимнему, все потеют и пыхтят, но кондиционер никто не включит – наслаждаются навалившимся теплом, мазохисты.

Это время года Чистилин, менеджер по внешним программам концерна «Elic Entertainment», производящего игры для РС и видеоприставок, ненавидел особенно люто.

В апреле в человеке как трава прорастает человеческое. На фиг никому не нужно, кстати сказать.

Чистилину шел тридцать второй год. Выражение его бледных серых глаз писатели девятнадцатого века непременно назвали бы разочарованным. Два века спустя оно звалось серьезным.

Только что Чистилина вызвали в кабинет директора. И те-

перь он вроде как спешил.

Проходя мимо стеклянной выгородки главного бухгалтера Таисы, Чистилин послал Таисе воздушный поцелуй. Бухгалтер сделала вид, что смутилась.

В конторе Чистилин слыл донжуаном. Создание этого образа заняло несколько лет – цветы на Восьмое марта всем женщинам, включая горбуню-уборщицу, костюмы и рубашки из пустынно-прохладных магазинов, где у кассы никогда не толпятся, таинственное, мягкое выражение глаз, взволнованная речь – теперь оставалось только работать на его подержание.

Зачем работать – другой вопрос. Его Чистилин предпочитал себе не задавать.

Он улыбался, но улыбка выходила озабоченной, почти озлобленной. Это заметил даже близорукий пиарщик Славик. Только что дверь директорского кабинета закрылась за его хилой спиной, и теперь с чувством исполненного долга Славик направлялся к кофейному аппарату, на ходу закатывая рукав полосатой рубашки – вот сейчас суставчатая лапа аппарата протрет спиртом белый локтевой сгиб, вопьется в вену Славика тончайшее стальное жало, а дальше – нервическая бодрость, на два часа тридцать две минуты. По действию то же самое, что чашка двойного растворимого, разве что без свинцового вкуса во рту. По стоимости же одна инъекция, как бокал «Bourgogne Passetoutgran», а сама корейская машина – ценой в двадцать банальных кофейных авто-

матов.

«Но офис без такой не стоит, как село без праведника!» – любил повторять директор.

– Ты чего, Чистилин, не спал сегодня?

– Да нет вроде.

– Выглядишь так себе. Как говорят в Пиндостане, shitty, – со смешком сообщил Славик и добавил, уже полупшепотом: – Капитан сегодня это... в креативном настроении.

Чистилин благодарно кивнул Славику, ощущая, как напряглось все – от глотки до ануса.

Директор, предпочитавший, чтобы его звали Капитаном, был редким гостем в «Elic Entertainment». Точнее, в его московской штаб-квартире.

Обычно он рыскал по выставкам, гейм конвеншнз и куортам. А когда надоедало, разъезжал с инспекциями по провинции, где находились студии, взятые на финансовое довольствие.

Персонал трепетал перед Капитаном. Сам же Капитан ни перед кем не трепетал, кроме загадочного и географически удаленного Совета Учредителей. Его Чистилин представлял себе чем-то вроде масонской ложи в стиле паропанк.

За семь лет работы в конторе Чистилин успел усвоить: раз Капитан появился в столице, значит, его переполняют дурные творческие думы.

– Ну что, Андрюша, располагайся... Чай вот, суматран-

ский, с экстрактом тестисов летучей мыши, попробуй обязательно. – В начале разговора Капитан всегда брал приветливый запанибратский тон. Наверное, чтобы означить левый край эмоционального диапазона беседы. На правом располагались истерические вопли с метанием в стену бронзового письменного прибора.

– Спасибо, Александр Витальевич.

– Опять? Мы же договорились – просто Саша.

– Забыл. Извини.

– Так что, делают нас япошки? – спросил Капитан, складывая руки замком на затылке.

Речь шла об успехе японской многопользовательской RTLS «Fields of True Feelings». За неделю со дня открытия – триста миллионов подписчиков по всему миру.

RTLS значит Real Time Love Strategy. Это когда «обнимитесь миллионы», в смысле, платишь деньги и обнимаешься, предаешься чувствам – бодрящим, возвышающим душу и электронно безопасным. Знакомишься, любишь, расстаешься, все дела.

«Но триста „лимонов“ за неделю – это круто. Особенно учитывая цену абонеента – четыре тысячи пятьсот рэ в месяц. Простые арифметические расчеты показывают, что при стоимости разработки...»

– Делают. А вот еще – вы слышали, то есть я хотел сказать, ты слышал, итальянские хлопцы в июне запускают штуку такую... «Love over Gold». На движке «Juliette». Есть инсай-

дерский слив, что предварительных заказов вдвое больше.

– Что еще знаешь?

– Русских среди подписчиков меньше процента.

– А в «Полях» этих ниппонческих сколько наших?

– Около того же. Не нравятся русскому человеку чувства.

И слава богу, – отвечал Чистилин. – Мы воевать любим.

– Ты не прав. Русскому человеку нравятся чувства.

– ?

– Не смотри на меня как на тяжелого больного. Нравят-ся-нравятся.

– Данными продаж это не подтверждается... – Чистилин вежливо стоял на своем. Он знал: Капитан не любит откровенных подхалимов, ему нужны «люди со своим мнением». – Продажи по лавсимаам мертвые, затраты на локализацию еле отбиваем. Не только у нас, кстати. Ребята из «1С» недавно плакались – у них тоже еле-еле. Какие на фиг тут чувства? Нам их и в жизни хватает, – уверенно сказал Чистилин, стараясь не думать о том, что, если не считать редких проституток, в последний раз он целовал женщину на первом курсе института.

– Просто русскому человеку нужны русские чувства, – сказал капитан таинственно.

– Вероятно... Вам виднее. И... что?

– Будем делать русское.

– RTLS?

– Да ты что! Не потянем пока. Начнем с адвентюры.

– Придется купить тайтл... – Чистилин сразу подумал про сериалы. «Спросить у мамы: пусть расскажет, что сейчас крутят». – Но тайтл – это сразу вложение.

– Обойдемся.

– Без тайтла как-то... страшновато. Большой риск.

– Тайтл будет.

– Бесплатных тайтлов не бывает, Александр Витальевич. Саша.

– Бесплатные тайтлы называются классикой, Андрюша. Чему тебя только в твоём институте учили?

– Моделированию космических аппаратов.

– Ах, черт, со Славкой перепутал, это ж он в пиарно-попильном учился... Лучший топ-лист бесплатных тайтлов находится в оглавлении школьной хрестоматии по русской литературе.

– «Война и мир»? – попробовал угадать Чистилин.

– Опять ты со своей войной? Милитарист...

– «Преступление и наказание»?

– В жопу, – нахмурился Капитан. – Трудящимся не нужны такие чувства. В нашей таргет групп процент садомазохистов, включая латентных, не превышает четырех с половиной. А процент находившихся под следствием в семь раз выше среднеевропейского. Так что ни к чему эти ассоциации – наказание, обрезание...

– Тогда не знаю... Ну, «Прощай, немытая Россия!».

– Политики нам только не хватало! Господи, помилуй. –

Чистилин основательно перекрестился. Чистилин знал – Капитан происходит из староверов, даже посты вроде бы соблюдает, не прочь блеснуть старинным словом. Такие детали освежают биографию всякого рвача на радость составителям некрологов. – Но тепло уже. Тепло. Лермонтов... А где Лермонтов, там и... кто? Напряги извилину, товарищ менеджер!

– «Я помню чудное мгновенье»... – вспомнил Чистилин.

Однажды маленькому Андрюше задали выучить «Мгновенье» наизусть, но мать работала в универсаме во вторую смену, а он отчаянно заигрался в «Doom» да так и заснул носом в «пробел», а когда проснулся, на заплывшей щеке розовели оттиски клавиш и мимолетные виденья были не те, и не про то, и нерифмованные...

– Тепло. Нет, горячо!

– Пушкин... – робко проблеял Чистилин.

– Точно!

– «Евгений Онегин»?

– Умничка.

– Короче говоря, пиши... «Глава первая».

– Написал.

– Убей. Не глава, а миссия. Миссия один, локация один. Типа... «Знакомство с Онегиным». Нет, лучше «Онегин едет к дяде». Вяло как-то... Ну едет он – и что?

– Едет на почтовых! – вспомнил Чистилин.

Его бабушка работала учительницей чтения и письма в интернате для умственно отсталых, дома любила декламировать то, что осталось не востребованным на работе. Ее стараниями кое-что пушкинское спрессовалось на дне захламленного трюма чистилинской памяти. Это нечто предстояло сейчас из трюма поднять. Капитану было не в пример легче – он держал перед глазами третий том сочинений поэта, изданный в 1957 году Государственным издательством художественной литературы.

– Кстати, что такое эти почтовые, не знаешь? – неприязненно осведомился Капитан.

– Вроде как там у них были разные станции, где почтальонам меняли лошадей и другим путешественникам тоже. Три часа чувачок едет на одних лошадях, потом доезжает до почтовой станции, там ему в карету запрягают других, отдохнувших. Так быстрее.

– Он что, в карете, получается, едет?

– Получается.

– На фиг. Пиши. Онегин едет верхом на лошади. Белой. Поскольку кареты эти не смотрятся ни фига.

– Смотря как сделать. Если цугом двенадцать лошадей...

– Кем? – Капитана, как видно, смутило слово «цуг».

– Цугом. Это когда лошади парами, а пары – одна за другой. Вот французы во второй «Madame Bovary» такое заюзали – очень ничего, анимация движений толковая. Вообще богато смотрится.

– Нам бы их бюджет, у нас бы цугом даже комары летали...

После этих слов Капитана понесло жаловаться – вот-де, выросли налоги, потребитель стал переборчивым и вялым, и, кстати, со стороны правительства никакой поддержки, хотя геймдев это ведь тоже искусство, как торговля или, к примеру, спорт.

Капитан говорил так увлеченно, так страстно, будто в кресле перед ним сидел не Чистилин, который давно и прочно в курсе, а полудурочный с приплюснутым лицом корреспондент монгольского журнала «YurtaDigital», которому только наливай. Чистилина это, конечно, раздражало. Как и то, что Капитан решил экспромтом «накидать» контуры будущего проекта, невзирая на обеденный перерыв. Еще и настоял, чтобы Чистилин вел стенограмму, как какая-нибудь секретарша, вместо того чтобы просто включить диктофон.

– Опять отвлекаемся! – как будто очнувшись, воскликнул Капитан и вновь вперился в книгу. – Едет он, значит, на белом коне. Тем временем дается инфа. Вроде досье или что-то такое. Онегин Евгений... Кстати, ты отчества его не знаешь?

– Кого?

– Онегина.

– Да откуда? – цокая клавишами, спросил Чистилин.

– Тогда пусть будет пока Александрович, хе-хе. Онегин. Сын миллионера и... актрисы балета.

«...и артистки балета» – простучал Чистилин. Каждая минута общения с Капитаном улучшала его мнение о собствен-

ной образованности. Но ухудшала нечто вроде глобального настроения – которое меньше мироощущения, но больше настроения конкретного дня.

– Онегин по профессии экономист. А по призванию – пикапер, как учит нас дорогой Александр Сергеевич. И это правильно... Контингент от пикаперства, я извиняюсь, кончает. Я имею в виду от самой концепции. Можно дать такие еще флэшбэки, как Онегин вспоминает, кого он и как... н-нэ-э-э... соблазнил.

– Значит, мувики пойдут?

– Да. Ты, кстати, имей в виду: максимум три мувика на миссию. Меня за перерасход Совет убьет и съест.

– А что будет в мувике этой миссии?

– Тетеньки будут. Чтобы было понятно, что Онегин – он опытный в этих всех делах. В чувствах. Вот он едет-едет, значит... – бормоча, Капитан перелистывал охряно-желтые, отчаянно пахнувшие прогорклым маслом и неведомой старушечьей квартирой страницы, пытаясь на ходу вникнуть в ход действия, – едет-едет... через какой-то бал, что ли, проезжает...

– Прямо на коне?

– Через театр, потом через бал какой-то... Насчет ножек я, кстати, согласен, кривые ноги у русских женщин, правда, не только у наших, у тех тоже кривые, особенно у норвежских... Вот, чувства пошли... записывай: «Рано чувства в нем остыли; ему наскучил света шум»... Нет, не записывай,

это флуд какой-то, ты когда-нибудь слышал, чтобы лампочка шумела? И в итоге Онегин приезжает... в деревню... прямо на похороны дяди... И вот... Спасайте, православные!

– Что?

– Конец главы.

– Александр Витальевич... Саша... А может, ну его на фиг?

– Да ты что?! Золотая жила!

– Я про главу. Может, сразу со второй? Просто событий я как-то не вижу. Вы же сами любите повторять, что мы должны ориентироваться на каузального игрока. А тут... Тут вообще нет каузального потока! Геймплея нет! По-моему, начинать надо с того места, где этот второй парень... Ленский... появляется. Кстати, я тут подумал, Ленским, если его толково задизайнить, можно будет привлечь меньшинства. При продвижении продукта на европейский рынок.

– Пидоров? Правильно, подумаем. Точнее, пусть «Ubisoft» думают, это их головняк. Но начинать все равно придется с первой главы.

– Но почему?

– Потому что есть такая организация – Министерство культуры и образования.

Это заявление прозвучало довольно неожиданно. Чистилин привык, что Капитан показательно не интересуется ни властью, ни политикой, ни структурами государственного управления. Весь страх и трепет Капитан инвестировал в

свои отношения с Советом.

– Бабосов выделяют? – предположил Чистилин.

– То, что они выделяют, это не бабосы. Но с пиаром помогут – культуру, дескать, в массы, русскую классику – детям, и далее по списку... Я тут намеренно говорил с одной волшебной женщиной, Илоной Феликсовной. – Капитан мечтательно закатил глаза к потолку, как делал всякий раз, когда заходила речь на курортно-ресторанную тему. – В общем, надежды есть. Но там условие понятно какое. Чтобы было близко к тексту. Ну хотя бы на количественном уровне.

– Это как – на количественном?

– Ну, формально. У Пушкина героев двое – и у нас двое. У Пушкина восемь глав – значит, у нас должно быть восемь миссий.

– Ага.

– И портрет Пушкина на обложку джевела надо где-нибудь затулить. Ну или хотя бы на коллекционное издание.

Чистилин представил себе, какое лицо сделает Славик, когда узнает, что на кавер дивидюка вместо длинноногой срамницы в стилизованном под девятнадцатый век кружевном чепце пойдет поэт Пушкин, похожий на загорелую овцу, и невольно скривился.

– Можно ограничиться вкладышем, – пошел на попятную Капитан.

– А с сюжетом что? Тоже строго по тексту?

– Придется выкручиваться. Чтобы и события, и чувства.

Может быть, с Ольгой что-то нужно замутить посерьезней... Чтобы острее было. Тогда дуэль у нас получится не просто так, вялая разборка двух интеллигентов, а типа мясная сцена. Один взбешенный самец месит другого. Рвет его в клочья! В хлам! Шинкует его как капусту нах! Массакр! Убейся обратно в ад, исчадие хаоса! – Глаза Капитана заблестели. Чистилин подозревал: будь на все воля Капитана, их контора производила бы исключительно фэнтези-шутеры повышенной кровавости. К счастью, Совет не давал Капитану забыть о насущном. – Только представь, какую лялечку можно сделать в миссии, где дуэль с Лениным... тьфу, Ленским! На выбор оружие, вариантов десять. Обязательно запиши, чтобы стрелять можно было с двух рук.

– По-македонски?

– Да. Так вот оружие... Отдельно огнестрельное. Отдельно холодное. И магическое.

– Магическое?

– Наверное, ты прав. Без магического обойдемся. Илоне Феликсовне не объяснишь, зачем Онегину файерболл.

«Онегин с берданой, Татьяна – с катаной. Стишок».

Плюшевые синие апрельские сумерки за окном перешли в ночь. На улице зажглись фонари. Из окна директорского кабинета можно было рассмотреть группку 3D-моделлеров, ожидающих маршрутку по ту сторону шоссе. Выражение лиц разобрать было трудно, но Чистилин догадывался –

на них застыло привычное отвращение к труду.

Между тем они все сочиняли.

Капитан снял пиджак и откинулся на спинку кресла. Чистилин же, из последних сил изображавший живчика, тихонько стянул тесные туфли и водрузил ступни сверху. Пальцы ног, согбенные и бледные, как уродцы Виктора Гюго, радостно вспотели.

Держа над пепельницей полуоблетевший окурок, Капитан диктовал сухим, ослабевшим голосом, из-за чего его речь слегка походила на бормотание умалишенного.

– ...Миссия три. Название... «Письмо Татьяны» – как-то простовато... А вот как тебе «Откровения и Страсть»? По-моему, ничего. Записывай. Настроение миссии: тревожно-эротическое. Локация три-один. Сад. Описание локации «Сад». Пейзаж выполнен в традициях русской садово-парковой архитектуры девятнадцатого века. Имеются статуи обнаженных греческих богинь, аллеи, фонтаны (см. сеттинг «Петергоф»), а также скамейка. В локации присутствуют: Онегин, Татьяна, девушки.

– Какие еще девушки?

– Да тут вот... появляются... Они собирают в саду малину и поют песни... – водя пальцем по книжным строкам, сообщил Капитан. – В принципе девушек можно скипнуть. Возни с анимацией много, толку мало, разве если полуодетые.

– Подумаем еще.

– Дальше. В начале сцены Татьяна сидит на скамейке.

Возле скамейки вываливается хинт, для самых одаренных: «Кликни здесь». Если кликнуть по скамейке, Татьяна встанет и пойдет на аллею, где ее ждет Онегин. Кстати, переодеть его нужно после второй миссии. Вы одежду модернизируйте малость, мы же не исторический фильм по госзаказу снимаем. Нужно, чтобы потребитель мог легко идентифицироваться. Вот, значит, встречаются они и начинают... начинают... – Капитан рывком перелистнул страницу, чтобы узнать, что же произошло потом, но, узнав, застыл в нерешительности. – Гм... – задумчиво произнес Капитан. – А ведь это знак! Александр Сергеич прав!

– В смысле?

– Да вот послушай, что он тут пишет:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять, и отдохнуть.
Докончу после как-нибудь.

– Все равно не понял, – признался Чистилин. – В чем прав-то?

– Что надо погулять. И отдохнуть... Мы сегодня славно потрудились, по-моему...

– Еще бы, сорок тысяч знаков с пробелами!

– И сигареты вышли...

Покупать в корпоративное пользование бывшие советские детские садики вошло в моду в начале девяностых.

Дети как социальная страта остались навсегда в государстве рабочих и крестьян, демографический буерак смутного времени превратил их в выделенных субъектов культуры, так сказать, в «новых русских ребенков». Садики этим ребенкам-нуво были не нужны, как не нужны именитым алмазам склады-алмазохранилища.

Логичным образом во второй половине «нулевых» владельцы крупных фирм, обремененных офисным персоналом, принялись приобретать здания бывших советских школ. В одном из таких зданий, до неузнаваемости облагороженном смуглыми турецкими парнями и красной металлочерепицей, располагался и «Elic».

Кружевные створки чугунных ворот закрылись за Чистилиным и Капитаном, пробуровил что-то прощальное охранник, они оказались на улице.

– Пойдем, что ли, пива выпьем?

Чистилин кивнул. К предложению он был внутренне готов, хотя в компании подчиненных любил повторять «Кто пьет пиво, сам становится пивом» и кичился любовью к чилийским винам средней паршивости.

Однако в заведении «Акулина», куда они направились, не было свободных мест. Вечер пятницы!

За одним столом юбилей, за другим – мальчишник напо-

полам с производственным совещанием, в полутемных углах тет-а-тет, и даже на веранде, уже по-летнему заставленной столами, тостующие и жующие! Это взбесило Чистилина – в таком никчемном заведении, каким, по его мнению, являлась «Акулина», обязательно должны быть свободные места, как на Новый год должна быть елка, а в Киеве – дядька.

Перешли через дорогу. Но фастфуд «Новгородский» тоже оказался оккупирован малолетними пивнюками и их писклявыми подругами.

Углубились в микрорайон. Подвальный гадючник «Этуаль», с честью пронесший знамя кооперативного кафе конца восьмидесятых через два штормовых десятилетия, был темен и тих. Днем его опечатал бдительный Саннадзор, о чем свидетельствовал бело-красный скотч, которым двери были заклеены по периметру. Чтобы нарваться на рейд Саннадзора в терпимые времена Чистилина и Капитана, нужно было с упорством маньяков потчевать клиентов икрой из крыс и супом из собачьих залуп.

Других заведений с алкоголем в окрестностях школы Чистилин не знал.

Конечно, можно было взять такси и рвануть из Митина в цивилизацию. Например, в центр французского землячества, неуклонно растущего с памятного 2005 года. Кормили там сытно и по мотовским меркам недорого. Вдобавок за столиками возле бронзовой статуи Уэльбека всегда пестро от юных француженок, которые воркотливо обсуждают друг

с дружкой своих русских гарсонз. Заслушаешься...

Но, наблюдая за Капитаном, Чистилин понял – тот не желает к французам, не желает к японцам и цыганам. Ему подавай настоящую экзотику.

День, начавшийся для Капитана позабытым пафосом мозгового штурма, должен был закончиться чем-то столь же необычным.

Поэтому когда Капитан приобрел в продуктовом пачку «Парламента» без фильтра, четыре бутылки темной «Балтики» и предложил спуститься к речке, Чистилин почти не удивился.

– Сто лет там не был... А ведь я тут недалеко вырос – на Планерной. Так что, идем, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.